References

1. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Russia — Crimea — Sevastopol: Constitutionalists' Reflections // Vestnikof the Saratov State Law Academy. 2015. № 1 (102). P. 129–143.

2. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Russia — Crimea — Sevastopol: Constitutionalists' Reflections (part 2) // Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2015. № 3(104). P. 159–170.

3. *Kabyshev V.T.* Formation of the Constitutional Order in the Republic Crimea and the City of Sevastopol // Constitutional and Municipal law. 2015. № 10. P. 32–37.

УДК 342.59

О.В. Романовская

О ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

Введение: *В российской и зарубежной конституционной науке получило развитие понятие «приватизация государственной власти», под которым понимается передача государственно-властных полномочий негосударственным организациям. Формы вовлечения субъектов частного права в осуществление публичной деятельности весьма разнообразны. Однако в российской науке отсутствует единое понимание данного процесса. Тематика делегирования полномочий также не отражена в полном объеме в современном российском конституционализме.* ***Цель:*** *выделить основные формы передачи властных полномочий субъектам частного права, позволяющие указывать на наличие приватизации прав государственных органов, проанализировать их содержание, выявить недостатки правового регулирования.* ***Методологическая основа:*** *метод анализа нормативно-правового регулирования, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.* ***Результаты:*** *определены особенности приватизации государственной власти в российском конституционном праве; систематизированы последствия выведения государственно-властных полномочий из круга субъектов публичного управления.* ***Вывод:*** *делегирование полномочий должно осуществляться при соблюдении определенных принципов, среди которых базовое значение имеет сохранение контроля государства за процессом реализации публичных полномочий.*

Ключевые слова: *государственная власть, делегирование, приватизация, суверенитет, полномочия, негосударственная организация.*

O.V. Romanovskaya

ON PRIVATIZATION OF THE STATE POWER

Background: *the concept of "privatization of the state power" has been developed in the Russian and foreign constitutional science, which means transferring the state-power authorities to non-state organizations. The forms of involvement of the private law subjects in the implementation of the public activities vary. However, in the Russian science there is no common comprehension of this process. The subject of the delegation of authority is also not fully reflected in the modern Russian constitutionalism.* ***Objective:*** *to identify the main*

© Романовская Ольга Валентиновна, 2018
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин (Пензенский государственный университет)
© Romanovskaya Olga Valentinovna, 2018
Doctor of Law, Professor, Head of the State- law disciplines department (Penza State University)

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-50051-ОГН.

forms of transferring authority to private law entities, allowing to specify the existence of privatization of rights of the state bodies, to analyze their content, to identify shortcomings of the legal regulation. ***Methodology:*** *analysis of the legal regulation, historical, legal and comparative legal methods were used by the author in the research.* ***Results:*** *the features of the state power privatization in the Russian constitutional law, consequences of exclusion of the state-governmental powers from the range of subjects of the public administration have been systematized.* ***Conclusion:*** *delegation of the authority should be carried out in case of observing certain principles, among which the basic place is occupied by keeping the state control over the process of exercising public authority.*

Key-words: *government, delegation, privatization, sovereignty, powers, non-governmental organization.*

Термин «приватизация» ассоциируется, прежде всего, с возмездной передачей государственного или муниципального имущества в руки иного собственника (физического лица или организации). В то же время государствоведческая наука стала использовать указанный термин несколько в ином смысле, говоря о приватизации государственной власти (или о приватизации государства). Отметим, что это условный термин, которым определяют процесс делегирования государственно-властных полномочий негосударственным организациям. Однако в отличие от приватизации имущества суверенная власть не отчуждается с момента передачи. Государство не отказывается от своего суверенитета (и не самоустраняется) в пользу иных организаций, которые при наделении властными полномочиями должны действовать в публичных интересах, не подчиняя их своим. А.Ф. Васильева определяет передачу государственных функций мировой глобальной тенденцией, дополняя, что в германских традициях делегирование власти обозначать термином «приватизация» [1, с. 65].

Термин «делегирование» не используется в Конституции РФ. Подобное умолчание характерно и для зарубежных основных законов, где делегирование активно внедряется в управленческую практику. В то же время Конституция РФ допускает перераспределение государственно-властных полномочий, хотя оснований для этого немного: ст. 66 (договорной порядок перераспределения полномочий между автономным округом и краем, областью); ст. 78 и 132 (передача полномочий с одного уровня на другой); ст. 79 (передача части полномочий межгосударственным объединениям) [2].

Конституционный Суд РФ неоднократно давал расширительное толкование представленным статьям, указав на возможность перераспределения государственно-властных полномочий между органами власти, перечисленными в Конституции РФ, и распространив данное правило на передачу «отдельных полномочий» негосударственным организациям. Подобные решения были приняты в отношении нотариальных палат (Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»[1]), саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (Постановление от 9 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона „О несостоятельности (бан-

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2491.

кротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»[2]); саморегулируемых организаций оценщиков (Определение от 10 февраля 2009 г. № 461-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мисовца В.Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 15 и 24.6 Федерального закона „Об оценочной деятельности в Российской Федерации"»[3]).

В каждом из приведенных решений орган конституционного контроля нашей страны пытался восполнить пробел: сформулировать общие правила передачи, а также выделить институциональные характеристики организации частного права, получившей возможность от государства участвовать в публичном управлении. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. основное внимание было приковано к «публичному предназначению» нотариальной палаты, которое обусловливало отказ от добровольности членства нотариусов в профессиональном объединении. В Постановлении «по делу Меженцева» уже присутствовала более развернутая характеристика «автономных публично-правовых субъектов», наделенных «публичными полномочиями»: нормотворческими, исполнительно-распорядительными, контрольными.

В Определении № 461-О-О орган конституционного контроля сформулировал общее понятие организации, которой делегированы властные полномочия (применительно к саморегулируемым организациям оценщиков) — это «профессиональные объединения, созданные согласно выраженной в законе воле государства, направленной на делегирование этим профессиональным объединениям определенных публичных функций». Однако затем был сделан несколько странный вывод, согласно которому передача контрольных государственных функций саморегулируемым организациям является «частью экономической политики государства». Трудно сказать, что точно имел в виду Конституционный Суд РФ: полный отказ государства от контрольных функций в пользу саморегулируемых организаций или что-то иное?

Подобные отступления Конституционного Суда РФ, по-видимому, обусловлены простой причиной: отсутствием единого понимания делегирования власти у российских законодателей. В каждом законе, предусматривающем такую возможность, не используется четкая внятная концепция, которая могла бы быть матрицей для столь перспективного процесса. В то же время примеров выведения государственно-властных полномочий из круга субъектов публичной власти становится все больше и больше. Формы такого выведения разнообразны. Проведем их систематизацию:

1. Создание организации со специальным статусом, совмещающей в себе признаки как государственного органа, так и некоммерческой организации. Ярким примером может служить государственная корпорация «Росатом», правовое положение которой регламентировано Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом"»[4], в ст. 2 которого корпорация «Росатом» определена как «уполномоченный орган управления», «наделенный полномочиями от имени Российской Федерации осуществлять государственное управление использованием атомной энергии в соответствии с гл. IV Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», государственное управление при осущест-

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 335.
[3] См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 5.
[4] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6078.

влении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, а также нормативно-правовое регулирование в области использования атомной энергии». Дискуссии вокруг государственных корпораций не прекращаются. Однако сама идея не отметается. Об этом свидетельствует принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5]. Предполагается создание новых организаций — публично-правовых компаний, которые должны придти на смену государственным корпорациям. Концепция смены оболочки не совсем ясна, но и в Законе от 3 июля 2016 г. допускается выполнение компаниями публично-правовых функций. В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ[6] создана ППК — «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства».

2. Наделение государственно-властными полномочиями отдельных лиц. Оно может базироваться на постоянной основе и на принципе исключительности. В первом случае в качестве примера можно привести частнопрактикующих нотариусов, которые имеют право совершать нотариальные действия от имени Российской Федерации. Неоднократно судебные инстанции — Верховный Суд РФ (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 августа 2015 г. № АПЛ15-312) и Конституционный Суд РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1523-О) — подчеркивали, что полномочие совершать действия от имени государства предопределяет публично-правовой статус нотариусов. Благодаря упомянутым решениям высших судебных инстанций сформулированы принципы опосредованного наделения государственно-властными полномочиями. Применительно к нотариальным палатам упомянутое Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 19-П определило их «публично-правовое предназначение», исходя из их функций, главная из которых — контроль за нотариусами. Иными словами, организация, осуществляющая контроль за лицами, наделенными государственно-властными полномочиями, сама приобретает особое предназначение (Конституционный Суд РФ выбрал именно эту формулировку). Конституционный Суд РФ нередко использует именно логику (а не анализ прямого нормативного закрепления), толкуя статус тех или иных организаций в публично-правовом аспекте.

Проанализировав содержание правовых позиций, изложенных в решениях российского органа конституционного контроля (а их накопилось значительное количество), можно выделить модели выделения организаций, задействованных, по мнению Суда, в публичном управлении: общественные объединения, осуществляющие властные и управленческие функции при делегировании их правомочным государственным органом; организации, участвующие в выполнении функций публичной власти; организации с особым публично-правовым статусом; организации, выполняющие деятельность, носящую публично-правовой характер, или организации, на которые возложены публичные обязанности; организации, наделенные публично значимыми функциями. Нередко Кон-

[5] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. I, ст. 4169.
[6] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. I, ст. 4767.

ституционный Суд РФ заново формулирует признаки того или иного субъекта управления, «обыгрывая» прилагательное «публичный».

Во втором случае следует привести ч. 3 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой возбуждение уголовного дела и выполнение неотложных следственных действий возлагаются на: 1) капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, — по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах; 2) руководителей геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, — по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения данных партий и зимовок. Ни те ни другие не обладают статусом должностного лица органа государственной власти. Однако государство следует принципу исключительности. Исходя из места совершенного преступления, никто иной функции органов дознания в приведенных условиях выполнить не сможет.

3. Выведение определенной части территории из-под некоторых властных полномочий государства для создания особого режима экономической деятельности. Формы разнообразны. Уже сейчас приняты следующие нормативные акты: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»[7], Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8], Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»[9], Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[10], Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре „Сколково”»[11], Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[12].

Н.А. Власенко указанные документы назвал «взрывающими» сложившиеся и действующие пласты нормативной правовой регуляции [3, с. 14]. Практически каждый из названных законов предусматривает создание управляющей компании, функции которой — управление территорией, характерные для органов государственной власти (причем субъекта РФ) и органов местного самоуправления. Как правило, она создается в виде акционерного общества, принадлежащего государству. Можно апеллировать к тому, что государство не выпускает из своих рук управленческие функции, не передавая акции в частные руки. Тогда невольно возникает вопрос: для чего создание именно акционерного общества — организации, работающей по канонам частного права? Государство изначально соглашается с тем, что стандартная модель управления (через проводников публичной власти — свои органы и органы местного самоуправления) не эффективна. Но и модель формирования акционерных обществ вызывает некоторые претензии. Например, в ведении акционерного общества «Особые экономические зоны» (выполняющего функции управляющей компании) на-

[7] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 26.
[8] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 5, ст. 7070.
[9] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. I, ст. 4338.
[10] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3127.
[11] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 40, ст. 4970.
[12] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27, ст. 3951.

ходится 17 особых экономических зон. Однако в июне 2016 г. прозвучал доклад главы контрольного управления Администрации Президента РФ К. Чуйченко, в котором озвучены следующие цифры: с 2006 г. на 33 ОЭЗ потрачено 186 млрд руб., из которых 24 млрд руб. не использованы. Создание одного рабочего места в ОЭЗ обошлось бюджету в 10 млн руб. — среднюю зарплату в РФ за 25 лет[13]. Данная информация обусловила поручение Президента России о приостановке создания новых ОЭЗ. Если идти дальше по анализу нормативных актов, то можно увидеть нюансы в каждом случае, законодатель практически каждый раз «использует индивидуальный подход к созданию специальных юридических лиц, которым передается осуществление публичных функций» [4, с. 12].

К центру «Сколково» у ученых-юристов также есть претензии. Приведем только показательное мнение Е.В. Гриценко: «Несмотря на попытки законодателя обеспечить определенную прозрачность деятельности управляющей компании, например путем установления обязанности размещать ее ежегодный отчет в сети Интернет (ч. 10 ст. 8 Федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”»[14]), а также подконтрольности управляющей компании государству (ср.: ч. 1 ст. 8, ч. 5 – 7 ст. 14, ч. 6 – 8 ст. 17 Федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре „Сколково”»), все это вряд ли может компенсировать дефицит демократической легитимности как самой управляющей компании, так и факта передачи ей публично-властных полномочий. Возникают проблемы с реализацией не только конституционных основ демократического государства, но и принципов самостоятельности местного самоуправления, защиты конкуренции, федеративного устройства, правового государства» [5, с. 117].

4. Государственно-частное партнерство. С 1 января 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[15], создавший правовую основу для такого вида привлечения финансовых ресурсов коммерческих организаций к реализации публичных функций. ГЧП в зарубежной и отечественной юридической литературе воспринималось как одна из форм деконцентрации государственной власти. Если углубляться в историю вопроса, то можно найти примеры выдачи государственных концессий частным компаниям с одновременной передачей части суверенных полномочий. Ост-Индская компания, учрежденная в 1613 г., была уполномочена на формирование собственных судов (а чуть позже военно-полевых судов), имела свои тюрьмы и полицию, обладала правом издавать законы на подконтрольной территории. Ей было передано также такое суверенное право, как право объявления войны и заключения мир (у нее были свои армия и флот). Данные права обеспечивались монопольной торговлей, а особый статус был предоставлен специальной королевской хартией. Только в 1858 г. управление Индией полностью перешло под контроль английского правительства [6, с. 17].

5. Передача отдельных функций государственных органов субъектам частного права. При этом не происходит наделение властью, поскольку агент выполняет

[13] См.: *Окунь С., Скоробогатько Д.* Особые зоны по специальным ценам. URL: http://kommersant.ru/doc/3008286 (дата обращения: 12.09.2018).
[14] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 40, ст. 4970.
[15] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. I, ст. 4350.

функцию, ранее реализуемую государственным органом. Сам орган не ликвидируется, он осуществляет контроль. Практический результат деятельности агента обусловливает уже принятие государственного решения. Часть 3 ст. 22 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[16] предусматривает: «Агентами валютного контроля являются уполномоченные банки и не являющиеся уполномоченными банками профессиональные участники рынка ценных бумаг, а также государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)». На основании данного правила у банка появляется ряд публичных полномочий (от которых он не может отказаться) в отношении своих клиентов: например, контроль за осуществлением валютных операций. В соответствии с Положением о государственной аккредитации образовательной деятельности, утвержденным Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1039[17], в проведении аккредитационной экспертизы участвуют эксперты, имеющие необходимую квалификацию в области заявленных к государственной аккредитации образовательных программ, и (или) экспертные организации, деятельность которых соответствует установленным требованиям. С экспертами заключается гражданско-правовой договор, а результатом их экспертизы уже выступает действие органа государственной власти — Приказ Рособрнадзора о государственной аккредитации (или о ее лишении) образовательной организации.

Формы передачи функций государственных органов разнообразны. Но и в данном случае не следует их путать с передачей функций государства: оборона и безопасность, внешняя политика и т.д., хотя в зарубежной науке высказывались опасения по поводу «приватизации» указанных классических функций. Так, участие частных военных компаний в различных локальных конфликтах стало столь популярным явлением, что в международный оборот входит такой термин, как «приватизированная война» [7, 8]. Выделяется «приватизация сверху», когда ЧВК нанимаются официальными органами власти, и «приватизация снизу», когда повстанческие группы не подчиняются единому центру, а представляют собой децентрализованные группы, зачастую враждующие между собой. Украина в этом вопросе продвинулась так сильно, что официально действуют частные добровольческие батальоны («добробаты»), финансируемые крупными бизнесменами (например, частные батальоны «Днепр-1» и «Днепр-2», формально подчиняющиеся МВД Украины, но выполняющие указания только своего спонсора — олигарха Коломойского). В Германии констатируют «приватизацию полицейских задач», влекущую «отступление государства». Это связано с сокращением полицейских служб и ростом числа частных охранных организаций. В этом случае происходит наем дешевой непрофессиональной рабочей силы: охранник с трехмесячными курсами на смену полицейскому с пятилетним специальным образованием и постоянным повышением квалификации (не говоря о текущем административном контроле)[18]. Итог: череда скандалов с обязательным участием охранников, посягающих на жизнь, собственность, права и свободы

[16] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4859.
[17] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 47, ст. 6118.
[18] *Schnee P., Unterberg S.* Privatisierung von Polizeiaufgaben. Ein R ckzug des Staates? URL: http://www.deutschlandfunk.de/privatisierung-von-polizeiaufgaben-ein-rueckzug-des-staates.724.de.html?dram:article_id=360178 (дата обращения: 12.09.2018).

немецких обывателей. Аналогичные истории не сходят с экранов и российских телевизионных передач.

Таким образом, благодаря правотворческой и судебной практике открыта дорога делегированию властных полномочий негосударственным организациям, получившей в зарубежной науке условный термин «приватизация власти». Формы делегирования разнообразны. Приведем только некоторые из них: создание организации со специальным статусом, совмещающей в себе признаки как государственного органа, так и некоммерческой организации; наделение государственно-властными полномочиями отдельных лиц; вывод определенной части территории из-под ряда юрисдикционных полномочий государства для создания особого режима экономической деятельности; государственно-частное партнерство; передача отдельных функций государственных органов субъектам частного права. При этом концепция, которая бы определяла условия и правила такого перераспределения властной компетенции, не разработана современными отечественными конституционалистами. Отсутствует четкая позиция и у российского законодателя, хотя вопрос о субъекте — один из центральных в порядке осуществления государственной власти. Такая передача должна отвечать, как минимум, следующим принципам: осуществление государственного контроля за процессом реализации властных полномочий; ответственность за реализацию публичных интересов (их приоритет в деятельности должен быть безусловен); установление ограничений для конкретных лиц, задействованных в реализации властных полномочий, по примеру ограничений, установленных для государственных служащих; прозрачность деятельности организаций при осуществлении властных полномочий; осуществление общественного контроля; распространение порядка обжалования действий (бездействий) и решений, предусмотренного для органов государственной власти.

Библиографический список

1. *Васильева А.Ф.* Делегирование государственных функций субъектам частного права // Правоведение. 2008. № 2. С. 65–75.

2. *Железнов Б.Л., Левакин И.В., Малый А.Ф.* и др. Государственная власть в субъектах Российской Федерации: понятие, организация, принципы / под ред. Г.Б. Романовского. М.: Юрлитинформ, 2016. 288 с.

3. *Власенко Н.А.* Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 11–17.

4. *Белицкая А.В.* Правовой статус и правовая природа управляющих компаний территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности // Право и экономика. 2015. № 7. С. 10–15.

5. *Гриценко Е.В.* Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // Закон. 2013. № 2. С. 113–128.

6. *Романовский Г.Б.* Правовой статус частных военных компаний // Гражданин и право. 2015. № 12. С. 15–28.

7. *Heupel M., Zangl B.* Die empirische Realität des «Neuen Krieges». Bremen: Institut für Interkulturelle und Internationale Studien, 2008. 38 p.

8. *Kaldor M.* Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. Frankfurt / M: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2000. 279 p.

References

1. *Vasilieva A.F.* Delegation of State Functions to Subjects of Private Law // Jurisprudence. 2008. № 2. P. 65–75.

2. *Zheleznov B.L., Levakin I.V., Malyj A.F.* and others. State Power in the Subjects of the Russian Federation: Concept, Organization, Principles / ed. G.B. Romanovsky. M.: Yurlitinform, 2016. 288 p.

3. *Vlasenko N.A.* Individualization as a Pattern of Development of the Modern Russian Legislation // Journal of Russian law. 2015. № 12. P. 11–17.

4. *Belitskaya A.V.* Legal Status and Legal Nature of the Management Companies of the Territories with a Special Regime of Entrepreneurial and Investment Activities // Law and Economics. 2015. № 7. P. 10–15.

5. *Gritsenko E.V.* Constitutional Foundations and Legal Forms of Attracting Private Actors to the Solution of Municipal Tasks in Russia in a Comparative Perspective // Law. 2013. № 2. P. 113 - 128.

6. *Romanovsky G.B.* Legal Status of Private Military Companies // Citizen and Law. 2015. № 12. P. 15–28.

7. *Heupel M., Zangl B.* The Empirical Reality of the «New War». Bremen: Institute for Crosscultural and International Studies, 2008. 38 p.

8. *Kaldor M.* New and Old Wars. Organized Violence in the Age of Globalization. Frankfurt / M: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2000. 279 p.

УДК 342(470)(072.8)

Т.В. Троицкая

СРОКИ НАЗНАЧЕНИЯ ВЫБОРОВ В РОССИИ

Введение: *механизм организации и проведения выборов служит показателем уровня демократического развития государства. Реализация основополагающих принципов проведения выборов является необходимым условием легитимности выборных органов публичной власти и должностных лиц. В свою очередь принцип периодичности выборов способствует сменяемости власти и соблюдения установленных сроков проведения избирательных действий.* ***Цель:*** *на основе комплексного анализа организационных и правовых особенностей механизма реализации принципа периодичности и обязательности выборов в России выбрать наиболее оптимальный подход к определению сроков проведения выборов на различных территориальных уровнях их проведения.* ***Методологическая основа:*** *для достижения цели данной работы использовалась совокупность методологических приемов, посредством которых проводился анализ теоретических, практических и правовых аспектов определения сроков проведения выборов. Работа выполнялась с применением диалектического, исторического, системного, сравнительно-правового, функционального методов научного познания, а также метода анализа и синтеза.* ***Результаты:*** *аргументирована авторская позиция относительно несовершенства российского законодательства с точки зрения определения сроков проведения выборов на региональном уровне, в т.ч.*

© Троицкая Татьяна Викторовна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Troiskaya@yandex.ru

© Troitskaya Tatyana Viktorovna, 2018

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Constitutional law department (Saratov State Law Academy)